

Разговорная дистанция Ефим Бронфман в Мариинке-3 приглашает Дмитрий Ренанский

ПОСКРЕБИ АМЕРИКАНСКОГО ПИАНИСТА с именем — найдешь еврея с русскими или советскими корнями. Родился в Ташкенте, к пятидесяти сделался одним из ведущих солистов Нового света — в жизненной и творческой биографии гражданина США Ефима Бронфмана отражаются судьбы целого созвездия клавишников-эмигрантов, от Владимира Горовица до Владимира Фельцмана. С другой стороны, большинство его попутчиков из варяг в янки покидали родину уже вполне сформировавшимися исполнителями, а на Западе им приходилось начинать карьеру с нуля. Бронфман же уехал из СССР в пятнадцать лет, и перестраиваться ему не пришлось. Как музыкант он состоялся уже не в Союзе; если его и считали выходцем из одной шестой части суши, то только в Израиле, куда Бронфман эмигрировал в 1973 году. В Нью-Йорке, где он обосновался с конца 1970-х годов, Бронфмана поначалу воспринимали как перспективного выпускника Тель-Авивской Академии музыки, впоследствии во время редких гастролей в России его считали представителем отечественной фор-

тепианной школы, конечно, безо всяких на то оснований — память оказалась сильнее конкретных биографических обстоятельств. Когда в прошлом году Юрий Башмет вручил Бронфману премию имени Шостаковича, никто особенно не удивился, но и не смог припомнить за ним весомых заслуг. Дали своему, подумали все.

Между тем на отечественных пианистов Бронфман никогда не был похож. Он явный западник, что отчетливо слышно именно в русском репертуаре. Характерно, что, в отличие от многих других своих коллег-эмигрантов, заниматься русской музыкой Бронфман стал далеко не сразу. Он сначала записал всего Прокофьева и всего Бартока, переиграл массу старинной и современной музыки, а потом уже сквозь такой опыт взглянул на Чайковского и Рахманинова. Играл-то он их всегда, но записал лишь совсем недавно, исполняя затертые до дыр шлягеры так, словно держась от них на комфортной для западного человека дистанции вытянутой руки. Романтизм рассмотрел, широту сузил, надрыв утишил — и выморозил любой намек на пошлость

тщательностью отделки, структурной ясностью и энергичная динамика. Недаром основные партнеры Бронфмана — дирижеры Эса-Пекка Салонен (который еще и посвятил ему свой Фортепианный концерт) и Марис Янсонс.

В Петербурге Бронфмана ждали еще в декабре, но с филармонической «Пло-

щадью искусств» что-то не срослось. Последний раз он приезжал три года назад с сольным концертом, и как раз на «Звезды белых ночей». Тот концерт мало чем запомнился: пианист был явно не в духе, да и акустика основной сцены Мариинки не слишком подходит для фортепианных вечеров. Теперь в мариинский концертный зал он привозит проваленную им три года назад главную русскую виртуозную пьесу, пальцеломного «Исламея» Балакирева, раннюю сумрачную Вторую сонату Прокофьева и «Арабески» и Фантазию до мажор Шумана. Плюс российскую премьеру «Одиннадцати юморесок», написанных в прошлом году супервостребованным в Европе молодым немцем Йоргом Видманом с посвящением Бронфману.

Концертный зал Мариинского театра, 26 мая, 19.00

Неряшливая металлообработка Limp Bizkit в Ледовом рассказывает Егор Галенко

ТАТУИРОВЩИК ФРЕД ДЕРСТ (вокал, гитара), работник забегаловки Сэм Риверс (бас) и его двоюродный брат любитель джаза Джон Отто (барабаны), — существуют ранние записи этой непрезентабельной группы, которая позже стала называться Limp Bizkit. Неповоротливые риффы, сбивающийся речитатив, неуместные выверты ударных, плоские шутки; словом, не больше, чем просто забава скупающих американских молодых людей, из которой вряд ли может выйти что-ли-

бо путное. В самом начале у Limp Bizkit случились две встречи, позволивших им стать значимой группой, — с гитаристом Уэсом Борландом и с продюсером Россом Робинсоном. Первого зачислили в группу без ведома вожака Фреда Дерста, что ему не очень понравилось. Уэс Борланд сразу стал серым кардиналом Limp Bizkit: все ударные затеи, касающиеся не промоушена, а самой музыки, его ума дело. С Россом Робинсоном группа познакомилась через малоизвестных в 1996 году Korn: Фред Де-

рст набил им татуировки (довольно немело, так что пришлось потом срезать) и заодно передал через них демо-запись.

С Робинсоном связана львиная доля коммерческого тяжеляка девяностых, нью-метала и сопредельных ему жанров: Fear Factory, Deftones, Glassjaw, Machine Head, Sepultura и Soulfly — продюсер создал не одну сотню информационных поводов для металлического журнала Kerrang!, так что о нью-метале принято судить именно по объемистому шероховатому звуку, который Робинсон налаживал своим группам.

Limp Bizkit оказались первой стопроцентно успешной группой этого поджанра. Не они придумали скрестить хип-хоповую задиристость с гонором металлистов — скорее Rage Against the Machine или те же Korn, — но именно они уверенно вывели песни, скроенные по такому шаблону, в жесткую ротацию. К концу 1990-х, сразу после первого альбома Limp Bizkit, нью-метал мутировал в некую слезливо-героическую непотребщину, и более поздние группы напоминают бойз-бэнды в духе Take That, старающиеся, что называется, показаться на районе.

Интрига Limp Bizkit в противостоянии между упитанным любителем

брейк-дэнса, широких штанов и недружелюбно-размашистых жестов Фредом Дерстом и Уэсом Борландом, поклонником Афекса Твина, человеком с хитрым лицом, на концертах почти всегда скрытым под маской. После успеха Limp Bizkit Дерст прикупил особняк в Калифорнии, Bentley и стал непринужденно рассказывать каналу MTV, как он ходит на коктейли к Кристине Агилере. Борланд же едко отшучивался и предлагал вместо Limp Bizkit поговорить о черном юморе. Из-за дерстовой ревности Борланда дважды официально отстраняли от дел, множество ссор осталось за кадром; в самом деле, Борланд всегда относился к музыке Limp Bizkit свысока и был прав: под началом Дерста группа докатилась до «Behind Blue Eyes», кавера на The Who, настолько фальшивого, что уж лучше коктейли с Агилерой.

Недавно все же Фред Дерст покаяться и позвал Борланда обратно в группу. Limp Bizkit записали п/у Росса Робинсона злобный мини-альбом с нападками на транссатлантические корпорации и заодно на похотливых священников. Отчаиваться по поводу Limp Bizkit пока не приходится, но и уповать следует с осторожностью.

Ледовый дворец, 27 мая, 19.00